

**СТАВРОПОЛЬСКОЕ КАЛМЫЦКОЕ ВОЙСКО (1737–1843 гг.):
ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ****А. С. Ряжев*

Политическая система российского абсолютизма — актуальный вопрос современной историографии [Ряжев 2006: 84–86]. Установлено, что подобная система строилась прежде всего на основе служебных отношений. Свое место в ней занимали этноконфессиональные служилые группы, которые были включены в состав иррегулярных войск и социальные верхи которых в раннее Новое время входили в российское господствующее сословие. Изучение названных групп ведет к более глубокому пониманию политического и вероисповедного уклада России XVIII в. и первой половины XIX в. и потому представляется необходимым.

Ставропольское войско (в 1750-е гг. корпус) крещеных калмыков — одна из таких групп. Исследования этих групп стали весьма результативными последние несколько лет, что во многом связано с подготовкой документальной серии «Волжские ставропольские калмыки» и проектом «Метрические книги волжских ставропольских калмыков». Цель настоящей статьи — обобщить полученные результаты, ввести их в проблематику политико-религиозной истории абсолютистской России интересующей нас эпохи.

Многотомное научное издание документов — событие в современной науке относительно редкое. В историографии Ставропольского калмыцкого войска отмечалось, что тема имеет богатую, но очень разнородную базу источников [Шовунов 1992: 13–17; Джунджузов 2011: 21–23]. Несколько архивов в России и за рубежом, десятки фондов, в том числе сложных для поисковой работы, — все это ставило перед составителями серии задачу не только полностью выявить, но и отобрать документы, способные максимально полно отразить жизнь локальной группы калмыков на Средней Вол-

ге. Изданные нарративные источники не забыты, однако акцент все же сделан на новые архивные памятники.

Ставропольские калмыки играли свою роль в защите российских рубежей на юго-востоке и проведении курса властей в отношении азиатских стран и народов, и в XVIII в. их роль была достаточно важной. Выходили они и на поля сражений России с наполеоновской Францией. Кроме того, войско в течение всей своей истории участвовало в экономическом освоении Среднего Поволжья, и эта тема также заслуживает внимания.

Объем отобранных бумаг по военнополитическим делам намного больше, нежели по хозяйственным делам: такова специфика базы источников по теме. Поэтому источники, призванные проследить значение войска для политики государства, составили три тома издания из четырех. В основу их комплектования легла обоснованная периодизация истории ставропольцев: конец 30-х — 60-е гг. XVIII в. — поселение калмыков в Ставрополе-на-Волге и организация их службы; 70–90-е гг. XVIII в. — Пугачевщина, затем восстановление и развитие войска; первая половина XIX в. — эпоха 1812 г., прославившая Ставропольский калмыцкий полк, служба на границе и зачисление калмыков в оренбургские казаки, положившее конец более чем вековой самостоятельности Ставропольского войска.

Четвертый, заключительный, том серии из-за особенностей его источников охватил пребывание ставропольцев в Поволжье целиком. Он характеризует людские и материальные ресурсы войска, имущественное положение, быт и образ жизни военнослужащих-калмыков с семьями.

В то же время содержание издания отнюдь не сводится к истории ставропольских

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Метрические книги волжских ставропольских калмыков» (№ 12-11-63601/а).

калмыков как части калмыцкого народа или особого отряда иррегулярных войск русской армии. Публикуемые источники трактуют собственно политику абсолютизма на юго-востоке страны, причем в отношении довольно широкого промежутка — с середины 1730-х гг. до конца 1840-х, и в этом заключен особый научный смысл документальной серии.

Из четырех томов серии на сегодня изданы два [Волжские ставропольские калмыки 2011; 2012]. Значение их выхода обусловлено прежде всего неудовлетворительным положением с печатными источниками по данной теме. Из законодательства историкам доступны лишь положения о войске 1745 и 1803 гг. [ПСЗРИ, XII 1830: 308–328 (№ 9110); XXVII 1830: 968–975 (№ 21025)]. Имеется также ряд документов второй трети XVIII в. о пополнении Ставропольского войска [обзор см.: Волжские ставропольские калмыки 2011: 30]. Однако заключительное двадцатилетие истории ставропольцев в археографии отсутствует вовсе.

Исключением стал боевой путь Ставропольского калмыцкого полка в кампаниях 1805–1814 гг. против Наполеона, но имеющиеся материалы рассеяны в изданиях, известных лишь знатокам эпохи 1812 г. [обзор см.: Волжские ставропольские калмыки 2012: 25–27]. В данной связи высоко следует оценить новый сборник, включающий и материалы о Ставропольском полку [Участие калмыков в наполеоновских войнах 2012].

В опубликованных томах серии использованы документы следующих архивов: Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Для подготовки обоих томов проведено сплошное обследование 2-го (Оренбургская экспедиция), 3-го (Оренбургская губернская канцелярия) и 6-го (Канцелярия оренбургского генерал-губернатора) фондов ГА ОО. Здесь изучена вся переписка по управлению Оренбургским краем XVIII — первой половины XIX вв. В итоге в архиве практически не осталось неизвестных документов о службе и состоянии Ставропольского войска.

Также из фондов № 248 (Сенат и его учреждения — объединенный фонд) РГАДА

и № 36 (Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе) НА РК привлечены бумаги о первичном устройстве калмыков на Средней Волге и пополнении их выходцами из Калмыцкого ханства. Важную роль в серии играют материалы срочной отчетности Ставропольской войсковой канцелярии и послужные списки офицеров войска за соответствующие периоды, взятые из фондов № 13 (Казачья экспедиция Военной коллегии) и № 489 (Коллекция формулярных списков) РГВИА. Попутно стоит отметить, что последний фонд среди всех прочих фондов бывшего Лефортовского архива наименее «исхожен» калмыковедами и военными историками, и обращение к нему закономерно привело к новым и важным находкам.

Опубликованные источники в абсолютном большинстве официального происхождения, ибо учреждения-фондообразователи — Сенат, военное ведомство (Военная коллегия, Военное министерство, их отдельные столичные подразделения), Министерство внутренних дел, Коллегия Иностранных дел, Оренбургская комиссия и другие оренбургские военно-административные органы входили в структуру государственного управления Российской империи [Волжские ставропольские калмыки 2011: 30–32]. Документы относятся к таким разновидностям, как законодательство, переписка учреждений и должностных лиц, внутреннее делопроизводство учреждений, судебносудебная документация. Номенклатура изученных документов широка — это жалованные грамоты 1730-х гг. первой правительнице калмыцкого поселения на Средней Волге княгине Анне Тайшиной, указы Кабинета, Сената, Коллегии Иностранных дел, Оренбургской губернской канцелярии, предписания и приказы министров и губернаторов. Здесь же находим рапорты командиров и учреждений на местах, в том числе Ставропольской войсковой канцелярии, в вышестоящие инстанции.

В историографии тема ставропольских калмыков обозначена давно [Рычков 2002: 175–183; Прозрителев 1990: 42–57]. Но проблематика их истории в материалах серии отличается значительной новизной и существенно расширяет соответствующие научные представления.

Опубликованные материалы обозначают прежде всего выбор властями места

для крепости. Выбор нелегкий, ибо требовалось обеспечить безопасное соседство новоселов — бывших кочевников и с кочевниками, — в том числе с некрещеными соплеменниками, и с оседлым населением края [Волжские ставропольские калмыки 2011: 44–50, 52–54]. Открываются из бумаг и трудности перевода калмыков с низовьев Волги [Волжские ставропольские калмыки 2011: 72–78].

Важной темой исследования стал правовой статус Ставропольского войска, особенно в годы начальной истории войска. Изученные источники впервые раскрывают связь становления статуса с отношениями между господствующим слоем калмыков и властями. Документы также показывают: основой всех правовых установок в отношении войска стали законы конца 30-х и первой половины 40-х гг. XVIII в. [Волжские ставропольские калмыки 2011: 50–52, 54–72, 78–95, 127–129].

Впервые в историографии затронуты сюжеты о системе управления в Ставропольском войске и войсковой структуре в целом [Волжские ставропольские калмыки 2011: 127–129]. В частности, документы дают возможность в полной мере представить ротное деление корпуса и его развитие в связи с джунгарским пополнением 1759 г. В документах обозначены и источники пополнения Ставропольского войска в XVIII в.: выходцы из Калмыцкой степи, включая бывших пленных, возвращенные из бегов новокрещенцы, джунгары-перемещенцы [Волжские ставропольские калмыки 2011: 66–69, 220–229, 231–232, 240, 241].

В свете изученных материалов становится понятным и место Ставрополя в политике властей. Крепость стала «метрополией» калмыцкого христианства: неопитов (и знатных, и простолюдинов) «для крещения и научения в законе» из Калмыцкого ханства, Астрахани, с Дона в XVIII в. присылали сюда постоянно [Волжские ставропольские калмыки 2011: 104–108, 173, 174, 178, 179, 183–186]. В XIX в. эта функция города была утрачена.

Среди опубликованных материалов одно из важнейших мест в серии занимают послужные списки командного состава Ставропольского войска. Благодаря им впервые в науке можно дать полное документальное описание свершений войска в XIX в.: сражения против наполеоновских

полчищ, наряды на Оренбургскую пограничную линию и в Уральск, охрана знаменитой Макарьевской ярмарки. Со всей очевидностью выявляются функции войска в военно-политической системе абсолютизма в целом. Трудно переоценить и значение списков для изучения положения офицеров как привилегированной части войска.

Также в научный оборот введены новые данные о ставропольцах в период Семилетней войны. Уточнен боевой путь Ставропольского полка в кампании 1814 г.: ранее речь шла об участии ставропольцев в штурме Парижа, ныне установлено, что полк в составе одного из корпусов союзников принимал участие в блокаде крепости Майнц [см. также: Максимов, Очиров 2012: 14, 366–370].

Впервые исследована и история ставропольских калмыков по окончании эпохи 1812 г. После Отечественной войны государство взяло курс на укрепление иррегулярных войск и улучшение условий службы в них. Из источников следует, что аналогичные меры применялись и в отношении Ставропольского войска: в переписке с чиновников обсуждались обустройство войскового училища, назначения и жалование калмыцких учителей, высшее образование за казенный счет для группы школьных выпускников-калмыков, оспопрививание калмыков и другие шаги по части здравоохранения [Волжские ставропольские калмыки 2012: 164, 171–176, 178–182, 187–189].

Не наблюдалось ранее ясности касательно причин упразднения Ставропольского войска. Между тем, в документах 20–40-х гг. XIX в. обозначена вполне определенная ситуация. В XIX в. Поволжье перестало быть опасной и дикой окраиной, и нужда в дислокации здесь войск, служивших по казачьему образцу, отпала [Поволжье 2007: 181–192]. К тому же освоение территорий, рост населения и, главное, развитие феодального землевладения остро поставили вопрос о судьбах угодий калмыцкого войска и средствах на содержание военнотружущих с семьями. В связи с притоком крестьянства снижались возможности выпаса массы скота — основы хозяйственного уклада ставропольских калмыков. С 1820-х гг. войско оказалось вовлеченным в земельные споры, в которых военно-гражданские власти явно держались поддержки земледелия [Волжские ставропольские калмыки 2012:

160–164], и верхушка войска, состоявшая после Пугачевщины из незнатных офицеров и представителей калмыцкого простонародья, получивших офицерские чины, ничего не могла этому противопоставить.

Юго-восточные же границы государства ждали обустройства. Войны с Наполеоном отвлекли власти от подобной задачи, но уже в 1820-е гг. обозначилась необходимость к ней вернуться. В данной связи движение ставропольских калмыков на внешний рубеж было составной частью долгого процесса аналогичного перемещения периферийных отрядов казачества и близких к нему по социальному положению мелких сословий.

Интерес вызывает и предстоящий выход новых томов серии. Достаточно сказать, что 70–90-е гг. XVIII в. в археографии темы ныне никак не прослежены, кроме манифестов Е. И. Пугачева ставропольским калмыкам [см.: Овчинников 1980: 175, 179, 180]. Налицо и расхождения в историографии о причинах упадка Ставропольского войска и сокращения его численности в XIX в. [Кузнецов 2008: 279–281; Джунджузов 2011: 19–20]. Ожидающие своей очереди документы серии прольют свет на поднятые вопросы.

База источников, созданная в ходе работы над серией, способна в деталях раскрыть направления правовой политики государства, связанные со ставропольскими калмыками. Не меньшим ее значением она характеризуется и для понимания практических мероприятий местного начальства, определенных общими законами, но отнюдь не всегда и не во всем совпадавших с замыслами столичных властей. Наконец, она дает возможность изучить и отношение ставропольских калмыков к проводившейся политике, понять позицию их верхушки в курсе властей на азиатских окраинах страны.

Вместе с тем о внутренней обстановке в войске — демографической, вероисповедной — известно пока мало. Источники же серии в силу их специфики не покрывают потребностей соответствующих изысканий. Потому необходимо привлечь такие источники, которые способны улавливать и отражать стороны жизни ставропольцев, обычно попадавшие в поле зрения составителей документов лишь спорадически, или же вовсе недоступные по документальным материалам. Особенно это касается демографических ресурсов войска — здесь недо-

статки инструментария исследований вполне осознаны историками.

Научный проект «Метрические книги волжских ставропольских калмыков» предлагает выход из сложной ситуации. В задачу проекта входит источниковедческое и археографическое изучение названных метрических книг — ценнейшего историко-демографического источника, сведения о котором отсутствуют в литературе и по истории Среднего Поволжья, и по калмыковедению.

Метрические книги ставропольских калмыков выявлены в фонде № 31 Управления по делам архивов мэрии городского округа Тольятти (далее — УДА МТ). Фондообразователь — Ставропольское духовное правление (заказ) Казанской епархии, бравшее свое начало от Калмыцкой миссии 20–30-х гг. XVIII в. [Орлова 2006: 14, 49, 68]. Книги охватывают почти всю историю Ставропольского войска — с середины XVIII в. и до перевода под Оренбург. Самые ранние из них датированы 1750–1751 гг. [УДА МТ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 3. Л. 83–141]. Наличие метрических книг XVIII в. следует отметить особо. В центральных архивах материалы метрического учета православных до 1796 г. налицо лишь за краткие периоды: 1738–1748, 1762–1772, 1781–1783, 1793 гг. [Мионов 1990: 108], — в этом важность выявленных памятников.

Формуляр метрических книг хорошо известен, а их информативная ценность давно установлена [Антонов, Антонова 2006: 17–19]. В данном случае отступлений также нет, кроме источников 1750–1751 гг.: они являются не обычными записями в трех частях (о новорожденных, новобрачных, умерших), а «репортами» приходских клириков в духовное правление со списками калмыков-прихожан [УДА МТ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 3. Л. 83–141].

Метрические книги прежде всего характеризуют размещение и распределение калмыков-военнослужащих с семьями (кибитками) в Ставропольском ведомстве как по отдельным калмыцким поселениям, так и по совместным (с крестьянами-новокрещенцами). Из источников понятны движение населения, типичные для рассматриваемого времени причины прироста и убыли людей, динамика формирования поколений калмыков, местных уроженцев, переживших и Пугачевщину, и 1812 г.

Весьма ценным представляется свидетельство метрических книг об этнической структуре и социальных отношениях калмыков, сохраненных переселенцами и на Средней Волге. Власти декларировали отмену прежнего социального устройства у крещеных калмыков и замену его новым служебным порядком. Однако из документов следует, что на деле они зачастую капитулировали перед традиционным калмыцким укладом, и метрические книги говорят о том же. Основой территориальной организации войска стали улусы — традиционные родоплеменные объединения калмыков, приходские же священники с середины XVIII в., судя по метрическим книгам, вели записи населения не только по приходам, но и по улусам, подверстывая под ситуацию и приходские правила метрического учета.

В целом же изученные демографические материалы характеризуют внутреннее состояние данного локального калмыцкого общества с его социальными и этноконфессиональными особенностями, обычно мало отражаемыми в документации официальных лиц и учреждений.

Подведем итоги. Проблематика документальной серии и проекта метрических книг раскрывает различные аспекты служебных, хозяйственных и демографических отношений на юго-восточных окраинах страны, участником коих было Ставропольское калмыцкое войско. При этом разные по назначению и содержанию источники — официальная переписка и метрические книги — служат дополнением друг к другу.

Документы открывают исследователям уровни политических взаимодействий: подходы центральных и местных властей в отношении периферийных служилых сословий, позиции привилегированных групп внутри указанных сословий в отношении курса властей. Однако важно и соответствие объективных материальных, прежде всего демографических, возможностей служилого люда предначертаниям свыше, и здесь поистине бесценный материал может быть извлечен именно из метрических книг. Весьма плодотворным обращение к ним представляется в контексте представлений об оптимуме населения в эпоху феодализма при известных хозяйственных и общественных условиях, сформулированных в литературе по исторической демографии малых

этносов [Горская 1994: 188, 203]. Трудно переоценить и историко-генеалогическую ценность источника.

На примере истории Ставропольского войска прослеживается один из вариантов интеграции этноконфессиональных служилых групп в рамках военно-политической системы абсолютизма [Очиров 2009; Джунджузов 2011]. Исследования показывают, что вариантов насчитывалось несколько, однако в русле общей тенденции развития России как континентальной империи Нового времени — ввод основной массы служилого простонародья в состав иррегулярных войск, инкорпорация знати, установка шкалы служебных привилегий, трезвый учет реального военно-служилого потенциала локальных обществ, — и все это на основе веротерпимости как фундаментальной предпосылки отношения монархии к разновальной служилой массе. Значение веротерпимости исключительно велико: она была устойчивым фактором развития российской монархии в Новое время, и без учета ее влияния на служебные отношения анализ системы абсолютизма в целом будет неполон.

Очевидно, что исследовательская программа, реализованная в ходе работ по документальной серии и проекту метрических книг, должна быть развернута и в отношении прочих служилых сословий юго-востока России — башкир, мишарей, нагайбаков, ногайцев, крымских татар, групп выходцев с Северного Кавказа. Разумеется, ее основой послужат широкие архивные разыскания источников для сплошного выявления нужных материалов и обоснованная периодизация. Результатом такой работы призвана стать аналогичная серия документов или обобщающая монография (возможно, коллективная) о служилых сословиях на юго-восточных окраинах Российской империи в Новое время.

Источники

Управление по делам архивов Мэрии городского округа Тольятти (УДА МТ).

Литература

- Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги России XVIII — начала XX в. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. 385 с.
- Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. — первая половина XIX в. Документы и материалы:* в 4 т. / гл. ред.

- А. С. Ряжев. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х — 60-е гг. XVIII в. / отв. ред. А. С. Ряжев; сост. С. В. Джунджузов, А. С. Ряжев, А. В. Тепикин, Л. Б. Четыврова. Ростов н/Д: Изд-во Юж. науч. центра РАН, 2011. 320 с.
- Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. — первая половина XIX в. Документы и материалы: в 4 т. / гл. ред. А. С. Ряжев. Т. 3. Ставропольское калмыцкое войско в первой половине XIX в. / отв. ред. А. С. Ряжев; сост. С. В. Джунджузов, У. Б. Очиров, А. С. Ряжев, А. В. Тепикин. Элиста: КИГИ РАН, 2012. 252 с.*
- Горская Н. А. Историческая демография России эпохи феодализма (Итоги и проблемы изучения). М.: Наука, 1994. 213 с.*
- Джунджузов С. В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале (середина 30-х годов XVIII — первая четверть XX века). Оренбург: ГБУ РЦРО, 2011. 209 с.*
- Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара; Челябинск: [б. и.], 2008. 478 с.*
- Максимов К. Н., Очиров У. Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 519 с.*
- Миронов Б. Н. Метрические ведомости XVIII—XIX вв. — важнейший источник по исторической демографии России // Источниковедение отечественной истории. Вып. 8. М., 1982. С. 100–117.*
- Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева (источниковедческое исследование). М.: Наука, 1980. 280 с.*
- Орлова К. В. История христианизации калмыков: середина XVII — начало XX в. М.: Вост. лит., 2006. 208 с.*
- Очиров У. Б. Калмыцкие этнические группы в составе казачьих войск Поволжья и Приуралья // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. С. 658–680.*
- Поволжье — «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI — начало XX вв.) / под ред. Э. Л. Дубмана, П. С. Кабытова. Самара: Самар. отд-ние Литфонда, 2007. 328 с.*
- Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб.: Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XII. 1744–1748. 960 с.; Т. XXVII. 1802–1803. 1122 + 12 + 31 с.*
- Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмык. Элиста: Изд-во «Эбелек», 1990. 140 с.*
- Рычков П. И. История Оренбургская / отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, Самар. гос. ун-т, 2002. 298 с.*
- Ряжев А. С. Вероисповедная политика русского «просвещенного абсолютизма»: история изучения // История и историки: историографический вестник. 2005. М.: Наука, 2006. С. 84–126.*
- Участие калмыков в наполеоновских войнах: документы и материалы. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 537 с.*
- Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Союз казаков Калмыкии; КИОН, 1992. 319 с.*